

Константин Дмитриевич Ушинский
ДНЕВНИК

16 ноября 1844 г.

Волю надо укреплять! Пусть в моём внутреннем государстве всё повинуется ей беспрекословно, — всё, кроме ума, этого вечного закона, неизменного! Он один должен быть свободен от всякого принуждения, повелевать всем, не повиноваться ничему, кроме самого себя, т. е. быть совершенно свободным. Это — не человек с прихотями и страстями, — нет: это основной закон, развивающийся из самого себя.

22-го ноября 1844 г.

Тщеславие, тщеславие должно задавить в себе! Ну, к чему я рассуждал с Осиновым? И как глупа и смешна была эта моя самохвальная выходка! Как унижительно пошла ответная улыбка на его вопрос? И что это за правило, если только сидишь с человеком, непременно говорить с ним? Что за нужда болтать без желания высказывать свои мысли, без желания узнать мысли другого, без желания убедить? Ведь не всё ли тебе равно, с какими мыслями ни останется этот человек? И притом ты ведь знал, наверное, что ни он, ни ты не убедите словами друг друга. Просто-на-просто, корень этой глупой болтовни лежит в мелком щекотливом самолюбии, задетом тем, что его не замечают. А потом, когда ему не удаётся спором обратить на себя внимание, — боже милосердный, на какие аферы оно тогда подымается, какие выкидывает отвратительно-смешные штуки, на какие ходули становится! И раздувается, и пыхтит, и врет, и орёт, и горячится, и охает, и проклинает... Прочь! мимо! гадкая сторона души человеческой!

К. Ушинский

Константин Дмитриевич Ушинский
ДНЕВНИК

20-го декабря 1844 г.

Оканчивая в тебе последнее слово, думал ли я так надолго покинуть тебя, мой бедный журнал? В эти полтора месяца что я сделал во внутреннем и внешнем своём мире? Ничего, на чём бы я мог спокойно остановить своё внимание. Я каждый день делал такую кучу мерзостей, что, о боже, пошли мне забвение!... Дух мой как будто заснул, ни одним движением он не напоминает о своём существовании.

Гордой самоуверенности в самостоятельном бытии, в своей индивидуальности, в самом себе, в душе — как будто не бывало. Я по-прежнему мелочен, тщеславен, брюзглив, зол, нерешителен, труслив, лжив, тороплив, легкомыслен, ленив, сластолюбив, по-прежнему несчастлив без страданий, по-прежнему — ничтожен, по-прежнему — игрушка минутных, самых пустых случайностей!... Боже! Боже! Спаси меня!... И во всём этом никто не виноват, кроме меня. Научи меня, дух мира, поддержи, пробуди меня! Позволь мне опять созерцать тебя во мне! Теперь я для себя — ужаснейший хаос, в котором я ничего не могу разобрать: так мелко, так отрывочны, так противоречащий друг другу, так быстро и произвольно сменяются (настроения). Теперь моё я подобно какой-то страшной бездне, из которой несметными тучами поднимаются мелкие, гадкие насекомые, но на дне которой царствует пустота и утомительный мрак.

Опять должно начать своё исправление. Каждый день я опять начну беседовать с тобою, мой сговорчивый приятель!...

2 апреля 1845 г.

Как в природе множество ступеней развития (ступеней, регулированных по способу проявления идеи творения), так и в мире духовном. Духовный мир начинается человеком, как индивидом. Это — самая первая его ступень; потом следует государство, потом человечество, и оканчивается индивидом же, но как индивидом, прошедшим через все эти ступени обобщения, или лучше — сознавать собственный свой дух, как всемирный, и примирить с ним свою индивидуальность, возвысив её до всеобщего.